

Franz Kafka

DER
VERSCHOLLENE
(AMERIKA)

От переводчика

Биография Кафки изучена сейчас достаточно досконально, иные ее эпизоды расписаны чуть ли не по часам, иные подробно воссозданы в фильмах и романах. Столь пристальный интерес исследователей и читателей к частной, а порой и интимной жизни писателя объясняется, надо думать, мрачной магией его искусства. Слишком уж велик соблазн разгадать смысл кафковских притч, видений и пророчеств по грустным линиям его судьбы, по невзгодам и превратностям его личного бытия. Подталкивают к этому и свидетельства самого Кафки, его письма и дневники, в которых он подчас дает таким толкованиям поводы и пищу, недвусмысленно отождествляя себя с героями своих произведений. Однако слишком доверяться таким подсказкам все же не стоит: связи между жизнью Кафки и его творчеством куда сложнее и опосредованней.

Франц Кафка родился в 1883 году в Праге, в еврейской семье. Дом, где он родился, уцелел до наших дней, он стоит в центре города, в двух шагах от знаменитой пражской ратуши, на самой границе бывшего еврейского гетто, частично снесенного, частично перестроенного на рубеже XIX и XX столетий, в пору юности писателя. Местоположение этого здания как бы подчеркивает особую, межевую жизненную ситуацию

Кафки, о которой так любят порассуждать исследователи: еврей по крови, чьим родным языком был, однако, немецкий, он жил в чешском городе подданным Австро-Венгерской империи и волею внешних обстоятельств как бы изначально был обречен на «изгойство». Думаю, тут есть все же момент преувеличения. Уникально дарование Кафки, обстоятельства же его биографии скорее типичны — в Праге жили тысячи таких же семей, и факты не свидетельствуют о том, что писатель ощущал какую-то особую отторгнутость на почве, как сейчас принято говорить, «межнациональных отношений». Кстати, фамилия его — явно чешского происхождения (по-чешски она означает «галка»), его родня ведет корни из глухих богемских деревушек, родители свободно говорили по-чешски, да и сам Кафка в юности этому языку обучился. Семья, хоть и приехала в Прагу из провинции, вскоре прекрасно в городе обжилась: отец Кафки, человек предприимчивый и энергичный, но с тяжелым характером, выбился из бедности своим трудом и основал в Праге собственную торговую фирму, став постепенно известным и уважаемым коммерсантом. Коммерция чуждается национальных предрассудков, так что вряд ли будущий писатель их на себе испытал. Зато он почти наверняка весьма остро и как бы изнутри ощутил зыбкую, ненадежную динамику буржуазного преуспеяния: отцовское «дело» хоть и превращалась из захудалой лавчонки в респектабельный магазин с изящной «фирменной» галкой на вывеске, семья хоть и перебралась, несколько раз сменив место жительства, из скромной квартиры в шикарную, но за всеми этими переменами стоял иступленный труд, каждодневный коммерческий риск и вечная боязнь краха.

Другой лейтмотив едва ли не всех жизнеописаний Кафки — его сложные, болезненные взаимоотношения с семьей, омраченные тиранией отца. Это действительно так, и Кафка подробно описал эту колли-

зию в своем «Письме отцу», будучи уже вполне взрослым, зрелым человеком. (Об атмосфере в семье красноречиво свидетельствует тот факт, что мать Кафки не решилась передать супругу сыновнее послание.) Но это еще не повод непременно отыскивать во всех произведениях Кафки следы и проявления фрейдистских комплексов, тем паче, что о проблематике психоанализа сам писатель, пристрастно интересовавшийся многими явлениями современной ему жизни, был неплохо осведомлен. Уместнее, по-моему, напомнить, что подобные коллизии, причем как раз в те времена, сплошь и рядом встречались в буржуазных семьях, они неоднократно описаны и в художественной литературе, в частности у Томаса Манна, которого Кафка, кстати, высоко ценил.

Старший сын в семье, Кафка рос довольно одиноким. Родители, поглощенные делами фирмы, передоверили воспитание сына служанкам, а дружбе с тремя младшими сестренками мешала разница в возрасте. Отец, разумеется, хотел видеть в сыне преемника, определил его в лучшую пражскую гимназию, а потом и в университет, настояв на том, чтобы тот не занимался филологией. Ни склонностей, ни способностей к коммерции юноша не проявил и, получив диплом юриста, поступил на службу чиновником по страховому ведомству, где и проработал сначала на скромных, а затем и заметных должностях сперва в частной, потом в крупной государственной страховой компании до преждевременного — по болезни — выхода на пенсию в 1922 году.

Разлад с семьей, которую Кафка по-своему любил, но от которой страстно хотел и не мог отделиться, время от времени съезжая с родительской квартиры, чтобы потом снова вернуться под тяготивший его родительский кров, видимо, был неизбежен. Интеллигент в первом поколении, Кафка был обречен на непонимание домочадцев. Они же — в особенности отец, кото-

рый был типичным буржуа, хотя тоже в первом поколении, — со своей стороны не могли не видеть в нем неудачника. Строго говоря, по привычным буржуазным меркам он и был неудачником: карьеры не сделал, денег не скопил, домом и семьей не обзавелся.

Единственный смысл своего существования Кафка видел в писательстве, отдаваясь этому занятию всей душой, но урывками, в свободное от службы время, преимущественно в вечерние и ночные часы. Эту сокровенную сферу своего бытия он оберегал от посягательств любой ценой, в том числе и ценой личного счастья. Полагаю, именно в этом кроются первопричины трех его расторгнутых помолвок и сложных, подчас мучительных взаимоотношений с женщинами, которых он любил, но ради которых не решился сменить свой одинокий, холостяцкий, аскетический образ жизни на обустроенный, солидный семейный быт. (Лишь за полтора года до смерти писателя счастливый любовный союз с Дорой Диамант, отмеченный, впрочем, всеми бедами и неурядицами послевоенной разрухи, положил конец его добровольному пожизненному затворничеству*.) С другой стороны, нельзя не заметить, что в сокровенную сферу своего литературного творчества Кафка, зачастую неосознанно, прятал и вымещал действительно все, что хотел скрыть от посторонних глаз, что его мучило и не находило разрешения иными способами.

В известном смысле его работа писателя шла наперекор всем устоям окружающей его повседневности и требовала непомерного напряжения сил, так что, когда у него открылся туберкулез, он воспринял эту болезнь, в ту пору еще неизлечимую, чуть ли не с радостью: она давала избавление от постылой службы, от

* Этот период жизни и творчества Кафки замечательно воссоздан в романе современного немецкого писателя Михаэля Кумпфмюллера «Великолепие жизни» (М.: Текст, 2014).

напрасных родительских ожиданий и от обязательств перед близкими.

Умер Франц Кафка летом 1924 года в туберкулезном санатории под Веной. Родители, чья опека так тяготила писателя всю жизнь, похоронили его на родине, в Праге, на Ольшанском кладбище, и теперь их имена выбиты на скромном надгробье рядом с именем сына.

Всемирная слава нашла Кафку уже посмертно, при жизни он о ней не помышлял, хотя нельзя сказать, что как писатель он прозябал в полной неизвестности. Литературная жизнь Праги вовсе не была провинциальной, на рубеже веков здесь зародилась самобытнейшая литературная школа, подарившая миру столь разных художников слова, как Райнер Мария Рильке и Густав Мейринк, Франц Верфель и Макс Брод, Франц Карл Вайскопф, Эгон Эрвин Киш и Луи Фюрнберг. Имя Кафки на этом фоне отнюдь не затерялось, его прижизненные публикации — семь тоненьких книжечек малой прозы — были замечены и удостоились весьма лестных откликов. Однако главные его творения — романы «Америка» (1912—1915), «Процесс» (1914—1915) и «Замок» (1922—1923) — остались в разной степени незавершенными и увидели свет лишь после смерти автора и вроде бы вопреки его воле: Кафка (вообще-то дипломированный юрист) хотя и недвусмысленно, но отнюдь не в строгой юридической форме, завещал своему другу Макс Броду все свои архивы уничтожить. Впрочем, как проницательно подметил в свое время еще Вальтер Беньямин, сам выбор адресата для подобного завещания заставляет усомниться в его искренности, а значит, и неукоснительности: ведь Макс Брод (в ту пору, кстати, куда более известный писатель, чем Кафка) своего друга просто боготворил, и исполнить его последнюю волю у душеприказчика, по счастью, рука не поднялась.